

ПРИМОРДИАЛИЗМ И КОНСТРУКТИВИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

*Александр Литвинский
Барановичи, Беларусь*

В данной статье рассматриваются две основные методологические стратегии исследования проблемы происхождения славян: примордиализм и конструктивизм. Анализируются позиции ученых конца XX – начала XXI в. Характеризуются основные тенденции процесса исследования этногенеза славян.

Ключевые слова: *славяне, славистика, этногенез, методология, примордиализм, конструктивизм.*

Проблема этногенеза всегда трудна для исследования. Во-первых, сразу же возникает вопрос методологического плана: уместно ли использование самого термина «этногенез», если существование этносов как неких феноменов в эпохи, предшествовавшие Модерну, во многих случаях сомнительно? Здесь следует привести мнение авторитетного российского ученого С. А. Иванова, согласно которому «исследователь, рассматривающий процесс с точки зрения будущего результата, может реконструировать его зачатки, но это будет опять же – как «проязык» или «археологическая культура» – элемент внешнего описания, не имеющий ничего общего с самосознанием» [1, с. 7].

Иными словами, далеко не всегда некоторая социальная группа, обладающая внешними, доступными для описания и научного исследования признаками этнического характера, является этносом в полном и строгом смысле этого слова. Люди могут иметь в принципе одинаковую материальную культуру, разговаривать на одном языке или на очень похожих диалектах, занимать компактную территорию, придерживаться практически одинаковых религиозных верований но не иметь при этом единого этнического самосознания, которое, прежде всего, выражается в факте существования общего этнонима, принимаемого населением в качестве своего и отделяющего данное сообщество от других. Значит, если ни этнонима, ни ощущения какого-то единства нет, то, с точки зрения этнологии, этнос не сформировался, пусть даже этнографические характеристики населения весьма однородны.

По этой причине термин «этногенез» имеет зачастую несколько условный характер, если речь идёт о крупных сообществах, таких, как славяне, германцы, тюрки и так далее, и тому подобное. Однако, с другой стороны, мы не можем уверенно утверждать, что у предков народов, составляющих таковые сообщества, никогда не было этнического самосознания. Может быть, мы просто не знаем о его существовании? Во всяком случае, в качестве языкового феномена эти сообщества, конечно же, реальны, и всегда хотя бы в качестве гипотезы допустимо предположение, что они имели относительно единый основной источник происхождения.

Во-вторых, процесс происхождения этноса растянут во времени, и многие его аспекты скрыты от исследователя, ибо сказывается недостаточность источников и противоречивость их информации. Посему возникают сразу несколько вопросов: относительно хронологии этногенеза и его основных этапов, о движущих силах данного процесса, о его рассмотрении в весьма сложном контексте исторических событий и явлений. Если ученые дают разные ответы на эти вопросы, то и концепции этногенеза у них различаются довольно-таки заметно, вплоть до того, что данные концепции являются вряд ли совместимыми в рамках одной научно-методологической парадигмы.

В-третьих, данная проблема является междисциплинарной по своей сути. Ею традиционно занимались этнологи, историки, лингвисты, археологи, антропологи, а в последнее время к ним активно подключились и генетики. Но как обеспечить научно выверенную корреляцию информации различных по происхождению групп источников? Стоит ли придерживаться пуристического взгляда, согласно которому каждый ученый должен «обрабатывать только свою «делянку», а соотносить собственные выводы с концептуальными положениями других наук только на последнем этапе исследования? Во всяком случае, подобной позиции по проблеме происхождения славян придерживались такие столь несхожие по научным взглядам на эту проблему и конечным выводам исследователи, как В. В. Седов и М. Б. Щукин [7, с. 36, 11].

Однако на деле оказывается, что выдержать этот методологический принцип не представляется возможным, поскольку исследователь хоть в какой-то степени зависим от сложившейся научной традиции (опять же, традиции междисциплинарной, включающей в себя достижения различных наук), а еще потому что погоня за «чистотой» выводов в рамках научной специализации может привести к игнорированию наработок других наук, несмотря на заверения в уважении к ним, и, соответственно, к уязвимости концепции.

Всё, сказанное выше, в полной мере относится к проблеме происхождения славян, чрезвычайно сложной и пока что далёкой от научного решения, несмотря на очевидные успехи, достигнутые славистикой на протяжении последних двух столетий. Само осмысление процесса конституирования славян в исторической реальности, вызывает иногда чувство, схожее с немалым удивлением. Еще бы, до VI в. они не были известны интеллектуалам периода поздней античности под именем «Σκλάβήνοι» (по-гречески) или «Sclaveni» (по-латински), как и под похожими по звучанию и написанию именами, не говоря уж о более ранних периодах. Поэтому Иордан и Прокопий Кесарийский должны были хотя бы в виде кратких сведений объяснять читателям, кто такие эти загадочные славяне, ставшие заметным явлением начиная с середины VI в. [5, с. 106–109, 182–185].

Затем же произошло вообще труднообъяснимое. Народ, только что появившийся на страницах истории, за несколько столетий превратился в крупнейшую этнолингвистическую общность Европы, хотя, вроде бы, к этому не существовало сколь-нибудь объективных предпосылок, или, во всяком случае, они не прослеживаются явно в исторических источниках.

Особенно парадоксальным выглядит их сравнение с германцами. Последние стали известны античным авторам гораздо раньше славян, самым активным образом поучаствовали в Великом переселении народов, побывав при этом практически во всех основных регионах Европы, создали так называемые варварские королевства, но тем не менее не смогли в период Раннего Средневековья так уж значительно расширить территорию своей языковой группы, подвергшись языковой, да и, в общем-то, антропологической ассимиляции со стороны разговаривавших на вульгарной латыни народов.

Славяне же, что характерно, смогли закрепиться в том числе и на Балканском полуострове, за исключением его южной части. При этом они, не имея культурно-цивилизационного преимущества перед народами, жившими до этого на Балканах (если судить по информации тех же Иордана и Прокопия Кесарийского, а также более поздних авторов), сумели, хотя бы в языковом смысле, ассимилировать их.

Столь очевидное противоречие между фактическим отсутствием сведений о славянах в письменных источниках, созданных до середины VI в., и дальнейшей исторической судьбой данной общности требовало объяснений. В классическом славяноведении преобладала мысль, согласно которой отражение на страницах исторических источников славянского бытия вовсе не синхронно с началом этого бытия. Иначе говоря, славяне существовали задолго до их актуализации в нарративе эпохи Великого переселения народов. В противном случае весьма затруднительно было бы объяснить непреложный факт распространения славянских народов на огромных просторах Европы. Возникала, однако, иная проблема: в таком случае почти невозможно найти удовлетворительное объяснение факту отсутствия определённых сведений о них у позднеантичных авторов, не говоря уж о предшественниках этих авторов.

Казалось бы, решение данной проблемы можно было бы найти, признав, что славяне раньше скрывались под другими этнонимами. И надо сказать, что, по умолчанию, такая точка зрения доминировала в славистике и, пожалуй, преобладает в наше время. Иными словами, считалось, что когда-то, в глубине седых веков, сложился комплекс достаточно стабильных этнических признаков, благодаря чему славяне выделились среди других народов и отделились от них. Разумеется, при этом этногенез славян понимался в духе примордиализма.

Здесь следует провести небольшой экскурс в методологию науки об этносах. Особо не вдаваясь в подробности, ибо они выходят за пределы рассматриваемой нами темы, отметим, что в лаконичной и, на наш взгляд, доступной пониманию эрудированного читателя, информация о примордиализме, как и об инструментализме, и о конструктивизме, изложена в исследовании белорусского культуролога Ю. В. Чернявской «Белорусы. От «тутэйшых» – к нации» [10, с. 492–495]. Сразу же стоит оговориться, что инструментализм останется вне нашего рассмотрения, поскольку данный методологический подход применим только к эпохе наций, что, как само собой разумеется, напрочь исключает возможность его использования в процессе анализа происхождения славян. А вот две остальные методологические стратегии исследования этнических явлений можно, соблюдая определённую осторожность, изучать с точки зрения правомерности их применения в ходе анализа этногенеза славян.

Начнём с примордиализма. Как отмечает Ю. В. Чернявская, в русле данной «парадигмы исследования этничности», хронологически оформившейся самой первой, «основными механизмами сплочения этноса (нации), помимо кровнородственной связи в глубоком прошлом, примордиалисты считают язык и территорию. Правда, ряд сторонников этого направления (Юлиан Бромлей, Энтони Смит, Клиффорд Гирц и другие) полагает, что общность этноса (нации) задаётся не кровью, а общими социокультурными обстоятельствами бытия людей, историей, мифами, символами и так далее» [10, с. 492].

Этнос примордиалистами обычно понимается как нечто консервативное, стабильное, объективное, стихийно складывающееся и мало зависящее от воли людей. Отсюда и зачастую присутствующая в трудах исследователей тенденция к удревнению того или иного народа, в данном случае, славян. Получается, что этническое самосознание – категория, производная от самого факта существования этноса, вторичная по отношению к нему, как и вторичен этноним (последний может меняться, не меняя при этом сущности этноса).

Необходимо отметить, что большинство специалистов в области славянского этногенеза, являлись, да и, пожалуй, являются в настоящее время, скажем так, стихийными сторонниками примордиализма. При изучении их трудов у нас сложилось устойчивое представление о том, что примордиалистский комплекс взглядов рассматривается ими в качестве своего рода естественного, как бы не нуждающегося в дополнительном обосновании. Более того, представители данной группы исследователей, а среди них представлены историки, археологи, лингвисты, не во всех случаях обращают пристальное внимание на теоретико-методологические аспекты проблемы этногенеза,

отдавая предпочтение эмпирическим исследованиям и осмыслению их результатов с позиций собственной науки, а не этнологии.

Прежде чем вести речь о позициях тех или иных исследователей, уместно подчеркнуть, что мы не ставили своей задачей анализ всех сколь-нибудь значимых трудов и концептуальных положений, сформулированных в конце XX – начале XXI в. В контексте рассматриваемой нами проблематики достаточно будет охарактеризовать наиболее показательные позиции. При этом мы, за очень редким исключением, ориентировались на научные работы, доступные, условно говоря, «постсоветскому» читателю, изданные на восточнославянских языках. Уважая научные достижения выдающихся славистов, мы всё же посчитали излишним упоминать об их регалиях в формате статьи.

Как, пожалуй, любое научно-методологическое явление, примордиализм имеет несколько градаций. Если можно так выразиться, среди самых известных славистов в данный период и те, кто придерживался, в каком-то смысле, «гиперпримордиалистских» взглядов (при всей условности данного термина). В качестве очень яркого примера можно привести труды знаменитого советского и российского историка Б. А. Рыбакова. В данном случае анализируется первая часть его фундаментальной работы «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» [4, С. 11–108], в которой авторская концепция изложена подробно и с достаточной полнотой.

Б. А. Рыбаков придерживался концепции «широкой» прародины славян, определяя территорию этой прародины на значительном пространстве между Одером и Днепром (частично включая в неё и восточное, левобережное Поднепровье). Истоки славянства он видел в Тшцинецко-Комаровской культуре бронзового века [4, с. 13]. Довольно последовательно ученый проводит мысль о неразрывной преемственности археологических культур на очерченной территории. При этом он зачисляет в славяне население ареалов этих культур, объявляя славянами, к примеру, и сколотов Поднепровья, и венедов Повисленья.

Славяне у него, таким образом, оказывались автохтонами зоны смешанных лесов значительной части Восточной и Центральной Европы (во всяком случае, начиная с бронзового века). Никакие пертурбации, связанные с миграциями иранских, германских и иных этноязыковых общностей, не могли, по мнению историка, поколебать непрерывность славянского этногенеза. Вот почему Б. А. Рыбаков опять же последовательно отрицал готский характер Черняховской археологической культуры и, соответственно, подчеркивал её славянскую принадлежность даже тогда, когда стали множиться археологические факты заметного присутствия готов в Северном Причерноморье.

Если так можно выразиться, лингвистический вариант примордиализма в довольно радикальной форме представлен в работах языковеда О. Н. Трубачёва. Речь идёт, прежде всего, о его концептуальном труде «Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования» (последняя редакция этого труда вышла в свет уже после кончины ученого) [9]. Однако необходимо учитывать, что свои взгляды ученый отстаивал на протяжении нескольких предыдущих десятилетий.

О. Н. Трубачёв считал, что исследований в области языкознания достаточно, чтобы создать картину сложения славянского этноса, отвечающую требованиям достоверности и научной убедительности. В упомянутом несколькими строками выше труде выдающийся славист обосновывает собственную концепцию прародины славян, которую можно назвать «Неодунайской» или Паннонской. Поскольку он, в общем-то, отрицал особое родство балтских и славянских языков, объясняя их схожесть фактом ареального взаимодействия уже вполне самостоятельных языков, выросших из различных индоевропейских диалектов. Славянскую этноязыковую общность ученый выводил едва ли не из бронзового века, что по-своему логично вытекало из его лингвистических построений.

Что позволяет охарактеризовать концепцию О. Н. Трубочёва в качестве примордиалистской, причем с изрядной долей радикализма в этом отношении? Во-первых, отстаиваемое автором положение об истоках славянства в бронзовом веке. При этом постулируется тезис о непосредственном происхождении славянского языка от одного из диалектов индоевропейского. Во-вторых, представление о Подунавье как прародине славян и, что особенно важно, объяснение продвижения славян к Дунаю и за Дунай в VI—VII вв. как своеобразной «реконкисты» [9, с. 5]. В таком же ключе (как память о седой древности) трактуется образ этой великой европейской реки в славянском фольклоре. В-третьих, лингвист прямо становится на позиции примордиализма, когда утверждает, что «самоназвание отражает уже развитое этническое самосознание, которому, разумеется, предшествует длительный период существования этноса в условиях более древних форм самосознания и простейших самоидентификаций типа “мы”, “люди”» [9, с. 9].

В рассматриваемый период достоянием научной общественности и предметом научного дискурса также стали работы, в которых примордиалистские тенденции выражены в меньшей степени, чем в трудах Б. А. Рыбакова и О. Н. Трубочёва, однако всё-таки заметны. В качестве примера следует привести фундаментальный труд В. В. Седова «Славяне: историко-археологическое исследование» [7]. В определении хронологии славянского этногенеза он исходил из тезиса, согласно которому важным событием стало распространение в Повисленье археологических памятников Поморской культуры, притом субстратом для этих памятников послужила восточная часть территории Лужицкой культуры. В результате, по мнению исследователя, образовалась культура подклёшевых погребений, которую он считал фактически первой собственно славянской и датировал 400–100 гг. до н. э. [7, с. 70].

Ссылаясь на авторитет известного лингвиста Ф. П. Филина, автор синхронизировал культуру подклёшевых погребений с «первым этапом эволюции праславянского языка» [7, с. 76], хотя обязательность подобной синхронизации вызывает сомнения, поскольку между эволюцией материальной культуры и языковыми изменениями далеко не всегда можно проследить связь.

Таким образом, примордиалистская тенденция нашла здесь своё воплощение в том, что В. В. Седов признавал достаточно глубокие корни славян и, пытаясь в какой-то мере соотнести археологическую культуру с языковыми явлениями, указывал на объективное содержание этноса, что вполне соответствует примордиалистской методологической стратегии исследования.

Если рассуждать с позиций признания важности методологии науки в любых исследованиях, то необходимо отметить, что сильная сторона примордиалистской стратегии исследования заключается в признании за этносом некоей объективной реальности, достаточно конкретного внутреннего содержания, без постулирования которого, пожалуй, невозможно само изучение этногенеза. В конце концов, никому из серьёзных ученых не приходило в голову отрицать исторически сложившийся в определённом пространстве и в течение определённого, иногда довольно продолжительного времени феномен этнокультуры в его различных проявлениях как показатель существования жизнеспособного и достаточно стабильного этноса.

Однако у примордиализма есть и слабая сторона. Действительно, как мы можем утверждать о существовании славян (протославян, праславян – в данном контексте дефиниции не так уж и важны) в незапамятные, отделённые от нас тысячелетиями времена, если мы не вправе с достоверностью утверждать, что биологические предки славян разговаривали на славянском языке и имели соответствующее устойчивое самосознание? Ссылки на то, что эти предки были известны под другими названиями, не представляются убедительными, поскольку данный тезис очень трудно доказать даже в отношении венедов – наиболее вероятных «кандидатов в праславяне», несмотря на многократные и еще несколько десятилетий тому назад казавшиеся успешными попытки подобного отождествления [3, С.134–166].

Еще менее основателен отстаивавшийся О. Н. Трубочёвым тезис о том, что предки славян попросту не имели самоназвания [9, с. 9]. Этот тезис вообще невозможно доказать, как, впрочем и опровергнуть, а значит, он, фактически являясь предметом веры, находится, как очевидно спекулятивный, за пределами научного дискурса, в рамках которого фактически запрещается выведение известного из неизвестного. Не стоит здесь оперировать, аналогиями типологического характера, поскольку то, что имело место в одном или нескольких случаях, вовсе не обязательно рассматривать в качестве всеобщего закона, не знающего исключений.

Определённые кризисные явления, обнаруженные в рамках традиционной для славистики примордиалистской методологической парадигмы, привели к тому, что часть исследователей постепенно, даже исподволь, во многих случаях, по-видимому, незаметно для себя стала переходить на позиции фактического конструктивизма или, во всяком случае, стала совмещать некоторые теоретические положения обеих парадигм (при всём при том, что применять конструктивистские лекала в отношении донациональных общностей надо весьма осторожно). Конструктивизм в изучении процесса происхождения славян привлекает постулированием некоей «этнической пластичности», утверждением о конкретно-историческом характере формирования славянской этноязыковой общности, признанием многофакторности и многовекторности данного процесса, подчеркиванием значения геополитического контекста.

В качестве яркого примера использования некоторых положений, присущих конструктивистской стратегии исследования, необходимо привести опубликованную в 1991 г. полемическую статью упомянутого выше С. А. Иванова с весьма характерным названием «Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей)» [1]. В данной статье, если не отрицаются категорически, то ставятся под очень большое сомнение такие традиционные в рамках примордиализма критерии славянской этничности, как биологическая преемственность и, соответственно, антропологический тип, последовательность археологических культур, и даже язык [1, С. 4–6]. «Что же тогда формирует сам этнос?» – спрашивает исследователь и сам же отвечает на вопрос, опираясь на мнение коллег: «Как это ни покажется странным – само сознание принадлежности к нему» [1, с. 6].

Применительно к славянам данный тезис, по мнению автора, означает следующее: «этническая история славян начинается с появления этнической группы, усвоившей этноним «славяне» в качестве самоназвания» – появления на страницах письменных источников [1, с. 7]; представляется невероятным многовековое существование славян на не столь далёкой периферии античной цивилизации в сочетании с тем, что античные авторы ничего не знали об этом существовании («Конечно, на процесс трансмиссии этнонима могло уйти какое-то время, но ведь не века же!» [1, с. 8]); взглядам как О. Н. Трубочёва, так и ученых, занимающих прямо противоположные позиции, зачастую присуще пренебрежение к сведениям о славянах, содержащимся преимущественно в ранневизантийских источниках [1, с. 9].

Методологические принципы, изложенные С. А. Ивановым в данной статье, нашли применение в публикации подготовленного на очень высоком источниковедческом уровне двухтомного «Свода древнейших письменных известий о славянах» [5, 6,], особенно первого тома, подготовленного к изданию самим С. А. Ивановым. Характерно, что первая часть этого тома имеет название «К предыстории славянства». В неё включены отрывки из трудов Плиния Старшего, Тацита, Птолемея, Приска, а также Певтингерова карта [5, С. 18–97]. Четко разделяются дославянский и собственно славянский периоды этнической истории. Такой подход в целом соответствует стратегии исследования этногенеза в рамках конструктивистской методологической парадигмы.

Заметным явлением в истории исследования славяногенеза стал выход в свет труда американского слависта румынского происхождения Ф. Курты (F. Curta) с претенциозным названием (на английском языке оригинала – «The Making of the Slavs:

History and Archaeology of the Lower Danube Region, С. 500–700») [12]. Претенциозна и, в какой-то мере, даже по-научному провокационна здесь первая часть названия – «The Making of the Slavs» (вторая часть переводится как «История и археология Нижнего Подунавья VI–VII вв.» и не несёт в себе ничего провокационного). Первую же часть можно перевести по-разному, что и делается: «Создание славян», «Изобретение славян», «Сотворение славян», даже «Изготовление славян». В любом случае контекст таков, что в нём термин «славяне» является инактивным (не славяне что-то создали, а их, славян, кто-то создал и/или что-то создало), и это довольно показательно. В самом названии содержится указание на конструктивизм с явным оттенком инструментализма. Это звучит даже как определённый вызов, особенно в контексте традиционного доминирования примордиалистской парадигмы, которая американским автором довольно решительно отвергается.

Характерно, что рассмотрение проблемы происхождения славян Ф. Курта начинает с поиска ответа на методологический по своей сути вопрос «Что такое этничность?» [12, р. 14–22]. От него достаётся в том числе и советским исследователям, как раз за приверженность фактически примордиалистским взглядам в сочетании с декларируемой верностью теории марксизма-ленинизма (имеется ввиду знаменитая триада «племя—народность—нация»). Это сочетание американский ученый считает парадоксальным [12, р. 17].

Основная же позиция автора по проблеме славянского этногенеза выражена в следующей фразе: «The name “Sclavene” was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of *ethnies* on the other side of the northern frontier of Empire» («Имя “склавины” было чисто византийским конструктом, призванным осмыслить сложную конфигурацию *народов* по ту сторону северной границы империи») [12, р. 118–119]. Впрочем, он тут же заявляет: «It might be that “Sclavene” was initially the self-designation of a particular ethnic group» («Быть может, изначально имя “склавины” было самоназванием отдельной этнической группы») [12, р. 119].

Это существенно подрывает основной тезис Ф. Курты – ведь если склавины действительно являлись именно этнической группой, то зачем в таком случае приписывать «создание славян» византийцам? Невозможно, к примеру, представить себе, что византийцы или авары выдумали язык, который вполне отражал реалии жизни в лесной и болотистой зоне европейских смешанных лесов на север от Дуная и Карпат, а ведь такими характеристиками обладает общеславянская ландшафтно-экологическая лексика.

Иными словами, и крайний конструктивизм, явно переходящий в инструментализм, становится уязвимым как с методологической, так и с научно-эмпирической точек зрения, если его принципы без должной адаптации применяются при анализе славянского этногенеза. По-видимому, наиболее плодотворной стратегией исследования проблемы происхождения славян является по возможности гармоничное, а не эклектичное, сочетание сильных сторон примордиализма и конструктивизма. Рубеж веков ознаменован выходом солидных трудов, отвечающих данному пожеланию. Это работы С. Е. Рассадина, Р. В. Терпиловского, М. Б. Щукина [3, 8, 11].

В данных работах отражено понимание этногенеза славян как сложного многовариантного процесса, в котором были задействованы различные по происхождению факторы и силы. Славяне здесь понимаются не как совсем уж очень древний этнос, существовавший едва ли не с бронзового века, а как результат длительного и противоречивого процесса, завершившегося уже в эпоху Раннего Средневековья. Вместе с тем признаётся, что славянская этноязыковая общность имела конкретное содержание, выраженное в преемственности археологических культур, прежде всего, Киевской и Пражской.

Подводя итоги рассмотрению темы, следует отметить, что методологическая дилемма, заключающаяся в выборе между примордиализмом и конструктивизмом, может быть разрешена на пути интенсификации междисциплинарного дискурса, позволяющего

этнологам, лингвистам, историкам, археологам, антропологам, генетикам, лучше понять друг друга. Это, конечно же, относится и к проблеме происхождения славян.

1. Иванов, С. А. Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) / С. А. Иванов // Советское славяноведение. – 1991. – № 5. – С. 3–13.
2. Литвинский, А. В. Хронология славянского этногенеза: основные концептуальные подходы в историографии конца XX — начала XXI в. / Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X междунар. науч. конф., Гомель, 25–26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общей ред. В. В. Кириенко. — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. – 307 с. – С. 161–164.
3. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С.Е. Рассадин. – Минск : Белорусский экзархат, 2008. – 288 с.
4. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – Москва : Издательство «Наука», 1982. – 591 с.
5. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). Изд., 2-е, испр. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 472 с.: карты.
6. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.). – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 590 с.: карты, схемы.
7. Седов, В. В. Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 624 с.: ил.
8. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. / Р. В. Терпиловский. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. – 232 с.
9. Трубачёв, О. Н., Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв. – М. Наука, 2003. – 489 с.
10. Чернявская, Ю. В. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Ю.В. Чернявская. – Минск : ФУАинформ, 2010. – 512 с.: ил.
11. Щукин, М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска. / М. Щукин // Стратум. Структуры и катастрофы [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/25_sch/uk/in_1997.htm. – Дата доступа: 22.07.2012.
12. Curta, F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series) / F. Curta. – Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2001. – 466 p.